

Письмо Пасько А.А., бывшего командира взвода, затем роты 796 стр. полка, 141 стр. дивизии командиру дивизии Тонконогову Я.И. от 22 июня 1966 г.

Многоуважаемый командир 141-й дивизии, товарищ генерал Тонконогов!

Производственные заботы помешали мне воспользоваться Вашим любезным приглашением, неоткуда было даже позвонить о том, что могу придти, за что искренне извините. В нашем коротком телефонном разговоре вы даже мою фамилию спросили. Меня, вновь прибывшего, наверное, и в полку никто не знал, ввиду чего мне предстоит Вам представиться. Родился в семье безземельного крестьянина в 1916 г. Революция, советская власть дала 6 десятин земли по числу душ в семье, дала возможность учиться. Окончив 7-летку, учился в техникуме, не закончив его, работал слесарем на паровозоремонтном заводе в Полтаве. В 1937 г. призван служить в 4-м железнодорожном полку в Харькове, в его составе был в Монголии.

Направлен в военное училище и 1-го мая 1941 г. закончил 1-е Пехотное в г. Орджоникидзе, получив звание лейтенант! Направлен в Шепетовку, откуда штабом дивизии и определён в Н- Мирополь, 796 сп. Командовал полком полковник Тихомиров, комиссар - батальонный комиссар Сапожников, нач. штаба - капитан Маламуд. Где-то в середине июня (должно быть, в первой половине) 1-й батальон полка (командир майор Осадчий), а с ним и командование полка, прибыли на земельные работы на р. Зап. Буг. Помню, что невдалеке было село Пархачи.

Здесь я и встретил бой 22 июня, будучи командиром взвода (не помню даже какой роты, знаю, что не первой). События перенапряженных, катастрофических дней первых боёв сохранились только в обрывках фрагментов, подробно записанный дневник пропал безвозвратно. Помню первых пленных 4-х немцев (все раненные), когда никто из наших даже не пытался обыскать их, не говоря уже о часах на руках, до которых никто не дотронулся (позже это делалось походя и очень быстро). Помню, как отняли пушку 37 мм и пулеметы, среди которых, к большому удивлению, оказался и старый ободраный "Шварцлозе", пулемёт, который я знал только из литературы о Первой мировой войне. Отсутствие топографических карт даже у ротных командиров очень плохо сказалось на запоминании местности, без карты худо помнится. Хорошо запомнилось м. Любар, через которое отступали. За 30 минут здесь немцы сбили 13 наших бомбардировщиков. Маламуд исчез в первом же бою, говорили мне, что опознавали его в плену. Нач. штаба был капитан Хоменко. Двигались мы на юго-восток, даже южнее.

Очень подробно помню горькие дни, когда Вы оказали мне необычайно большую материальную и несравненно большую моральную помощь. В описанный мною период уже все хорошо увидели, что в результате первых боёв погибло и ранено много командиров. Поэтому на передовой, лицом к лицу с противником часто оставались лейтенанты да... командир дивизии. В это время меня уже назначили командиром роты. После смерти (а может, ранения) Осадчего, командиром батальона был капитан с орденом "Красной Звезды", который он получил за маневры. Трусливый был этот орденосец в доску! Гляньте, пожалуйста, товарищ генерал, может, и вы со мной согласитесь. Проходя м. Янов, что севернее Винницы, комбат оставил "оборонять" Янов мою роту в составе 23 человек плюс девять младших политруков, действующих за бойца. Вот так оборона! А комбат куда? А 15 км восточнее. Обещал и связь, и питание, да так я и не дождался ничего. О питании не будем говорить, привыкли уже побираться, а вот связь - дело другое! Оказался я на кладбище, передо мной

озеро Снивода, за озером с. Жигаловка битком набито немцами. Тяжело мне, горько и обидно. Такая горсточка людей может стоять в наблюдении, засаде, постом каким-то, а не оборонять местечко. Думаю, сукин сын, барбос, вложил нас в рот немчуре, а сам - в сторонку. Утро пришло, беспокоюсь. Ночью немцы разговаривали световыми сигналами через наши головы с кем-то, им же отвечали из леска. Но послать туда некого, и так нас мало. Иду к политрукам - беда. Девять выпускников Московского политучилища позорно дезертировали, несколько из них переделались при этом в гражданских людей, от которых мы и узнали правду. Смотрю на бойцов - золотые люди! Услышав о предательстве, не падают духом, смеются:

- Не по нутру попикам, пороху ещё не нюхали!

Меня уважают, знают, что раненый в строю остался, из окружения вышел с людьми, ношу "Вальтер" лично добытый в бою. Ругаюсь, жалею, что не поставил около них сторожа. Нет связи, нет еды, нет живой силы. По порожнему мостику через озеро тётка идет, с "той стороны". Встала, на нас поглядывает. Будто в грудь толкнуло, меня. Подхожу.

- Тебе что, тётка?

- Це вам письмо.

Схватил я это письмо, а сам оглядываюсь, не смотрит ли кто из наших, письмо то, небось, немцы пишут. Вроде бы не заметили. Укрывшись читаю. Память сохранила вроде бы это (конечно же, не точно):

"Командиру, что противостоит германским войскам в местечке Янове".

Офицеры и военнослужащие германской революционной армии, вызволяющей русские земли от жидо-большевизма, уважают русских солдат, командиров и политруков, которые смело выполняют свой воинский долг, проявляют бесстрашие и героизм. Мы точно знаем, сколько вас человек и чем вы вооружены. Один наш залп смёл бы вас с лица земли, но мы это не делаем из уважения к честным бойцам-смельчакам. Такой похвалы не заслуживает ваш командир батальона, который стоит в 13 километрах восточнее и от кухни не отходит ни на минуту. Мы его знаем и можем достать легко, но не делаем этого только потому, что все вы наши будете. Скоро встретимся. Если хотите жить, при встрече бросайте оружие и поднимайте руки вверх.

Немецкие солдаты и офицеры".

Гнусная писанина, но как тяжело делается, когда подумаешь, что именно отсюда я узнал, где мой комбат. Хотя бы, подлец, кого-нибудь прислал, если он есть на свете.

Ещё ночь прошла. И вот сдержанный голос наблюдателя:

- Товарищ лейтенант, "Эмка", по моде тех дней обмазанная грязью, маскировка первых боёв.

Из машины выходит кто-то в плаще без знаков различия, один из бойцов шепотом подсказывает:

- Командир дивизии!

Подхожу. Изнурённое лицо, красные воспалённые глаза. От радости у меня чуть сердце не взрывается.

- Командир такой-то роты, лейтенант такой-то!

- Доложите обстановку.

Рассказываю, что знаю о Жигаловке. Мотоциклисты, окапывается одна батарея. Методический миномётный огонь по центру местечка, отчего пожары.

- А кто у вас был из начальства?

- Никто!

- И комбат не был?

- Нет, товарищ генерал.

Из короткого разговора генерал узнаёт, что нет ни связи, ни питания, ни боеприпасов.

- Где же комбат?

Не решаясь признаться о немецком письме, говорю, что километрах в тринадцати, но карты у меня нет.

- Есть кого оставить за себя?

- Младший политрук.

Оставляю за себя, едем с генералом на поиски комбата. Дорогой почти не говорим, что я объясняю страшной переутомлённостью генерала. Вот между деревьями люди, кони, комбат. Тык-мык. Забрали миномёты, пушку, часть людей - всё мне.

Но комбат категорически заявил, что я лгу, он регулярно нас "кормит". Генерал вызвал всех, кто "кормит". Мл. лейтенант заведует всеми (носит шпоры даже). Вот ездовой, который возит лапшу с мясом. Вопрос, другой, третий. Да варится, да везёт кухню ездовой, но... на петле реки у самого местечка неисправный мост, дым пожара такой страшный, и ... ездовой выворачивает содержимое кухни, возвращается и докладывает, что гарнизон защитников Янова наелся досыта.

После такого откровения орден на груди комбата (во всяком случае, на моих глазах) совершенно потускнел.

Сжёл я немецкое письмо и никому не сказал о нём. Врёте подлые, трусливых комбатов перекрывают смелые генералы. Всё у меня есть - оружие, боеприпасы, люди, а вместо трусливого комбата генерал прислал... самого командира полка!

Вот он, грузин, молодой подполковник, благодарит нас всех в Янове и радостно нам сообщает, что мы снова вместе имеем связь. Вызывает комполка к себе. И как обухом по голове (сейчас, среди дня):

- Взять в Жигаловке языка!

Да, я лицом к лицу встречался с немцами не в одной стычке, видел, как они падают от моего выстрела, горевал, что убегают из-под рук, радовался, когда сам драпал со всех ног и прыгал в окошко. И с чердака. Наконец, дважды вышел из окружения с людьми.

Но языков - не брал! Да ещё днём и во сне такого задания не видел.

А сейчас сижу перед 18- бойцами и налейше вру, рассказываю, как я таскал эти языки точно печёную картошку из костра.

А потом вспоминалось всегда. И часто в горькое время меня просили партизаны:

- Расскажи ещё, начальник штаба, про этого смельчака генерала Тонконогова!

И я рассказываю, и все увлекаются вместе со мной, уже верят, как и я, что вот подойдёт к нам подмога. А нет - сами опрокинем врага, потому что мы сами же в это время делаемся такими как, генерал Тонконогов!

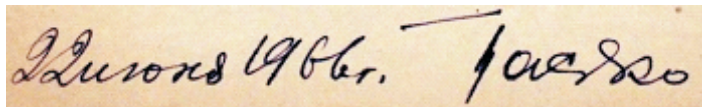
И постепенно рассказ разрастается, я больше живу со смелым генералом, генерал всё больше совершает героических дел, и радостными становятся лица бойцов и командиров, которым он приходит на выручку.

И много раз я слушал, когда рассуждая о том, куда же девался генерал, многие уверяли:

- Такой не пропадёт, жив он!

Узнав же, что Вы товарищ генерал, действительно живы, настоящим хочу сердечно поблагодарить Вас за ваш героизм, личную храбрость, вселяющую в нас большую уверенность в нашей Победе, делавшую нас старше, смелее, умнее.

Бывший командир стр. роты 796 сп 141 сд Пасько Антон Антонович, партизан Отечественной войны и Кавалер правительственных наград нашей Родины, Польши и Чехословакии.

Дунов 1966г. Пасько